

Захарчук (Вышковская) Анастасия Яковлевна

15.09.1925, г.п. Глуша Бобруйского р-на

Расскажите о семье.

Родилась в поселке Глуше, что на стекольном заводе Коминтерн. Но это } большой, хороший поселок, что по трассе Бобруйск-Слуцк. Родители ра-; боchie. Папа Яков Сергеевич Вышковский, а мама Бузак Екатерина Ана- ньевна. Вот и прожили жизнь. Но помню, как мама говорила, имея двух сыновей: «Я свою Настю, молодую, ни за что не отдам. Только учиться и учиться». А они-то молодыми были, по 15-16 лет. И ее отдали. У мамы не- важная семья была. Моя бабушка вышла замуж родила сына и дочь, т.е. маму. Может даже мама была старшей? Вот и она овдовела. И вышла за вдовца, а у него четверо детей. И еще родила троих. Тяжело было в жизни. Мама работала на заводе.

Старший брат Степан в 1920 г. родился, но умер. Потом Саша в 23 году. Я, а потом еще Колька. Он сердечник и умер в 8 годиков. Вот такая была семья. Но хорошо все было. Жили и работали. У нас был дом и садик. Он и теперь у нас остался. Раньше туда ездила. И сад был хороший. Боярышник, на чем я жила все время. Но, уже наверное полгода, как я не могу ездить из- за болезни.

А кто они соседи?

Соседи хорошие были. Большой-то поселок. Это не то что в Минске мы не знаем, кто живет рядом. Вот через улицу мама моя жила, а дальше Минке- вичи, Андрей... Очень хорошие. Далее, мамина троюродная сестра, а дальше Гриша и Анята. Это двоюродный брат мамин. Дальше, Пархимчик Гриша, тоже родственник. Вышла она замуж за кинемеханика, которого к нам прислали. А дальше, Бобковы - кумовья мои: Адам и Валентина. Дальше Нина Андреева, но она уже умерла. Дальше Карбутько Анна. И эти уже умерли. Дом продали и там живет Синявская. Это левая сторона, а по правую сторону первый Василевский. Потом узкоколейка до стеклозавода, а там торфозавод. Километров шесть торф вагонетками по узкоколейке доставляли до торфо- завода. Мы живем после Василевских, потом Мышковские, затем Пархимчик, Савило Сильвестр, потом Рекиш Кузьма. А еще построил дом лесник, Пархимчик Ларион. Дочь его, Верочка, была красавица. Она старше на два года была. Мы дружно жили.

В поселке очень много было евреев. У нас много было украинцев. В 1937 г. много приехало во время голодовки. Очень много евреев было умниц и хороших людей. Я очень ценила их. Был грузин Билашвили и женился на нашей глушанке. Был молдаван Медведев. Так сразу всех и не вспомнишь. Много. Городок многонациональный. В нашем поселке так говорили. Когда- то приехал немец какой-то. Вокруг лес, и он нашел песок, который пригоден для варки стекла. Вот он там построил завод. Для того были нужны рабочие мастера, а в деревнях ничего не понимали в этом. И с Гусь-Хрустального приезжали, и очень много было поляков. Помню, когда-то покойный Алесь

Адамович говорил, что по репрессиям 86 человек с Глуши было репрессировано. А там-то в поселке 500 жителей. Значит, много было поляков. Очень культурно было, и я их любила. Очень культурные люди. Вот до войны я окончила 8 классов. Вот такое было у меня детство, если бы не была война.

Когда фашисты шли, старший брат Степан был учителем после техникума в г. Стрый Львовской области и служил. Он стал лейтенантом. Когда немцы шли, то наши после окружения переодевались и приходили домой. Вот он тоже домой пришел, наш братик, наш сыночек. А вот коммунистов эвакуировали, но некоторых оставили для подполья. Так родной мамин брат Бузак был оставлен в подполье. А вот Анна Митрофановна мама Атеся Адамовича, была зав. аптекой. Ее муж, врач, ушел на фронт. Вот она и руководила глушанским подпольем. И сразу, как мой брат пришел, а так как он был на Украине, то и их язык знал и со многими украинцами подружился. Их было 16-18 человек. Они связались с партизанами и подпольем. Вот дядя тогда их собирал, организовал отряд. Летом 1942 г. этот отряд и пошел в наступление на комендатуру. Она-то была большой. Несколько дворов занимала. А тут вот две женщины Ивашкевичи собирали грибы в лесу, увидели это, побежали и предупредили комендатуру, что идет наступление. Те подготовились и дядю взяли живьем. Кого-то солдаты убили, а кто-то сбежал. Маме сказали - смотри, твоего брата поймали. В клубе он сидел, арестованный, со связанными руками. Мы тоже побежали туда, а там много народа собралось. Он только показал маме - молчи. И его расстреливают.

Вот этот Василевский предал нас, который жил по этой стороне. Если полицаи ходили с повязками, то он был тайный агент у немцев. У него был подземный ход в сарай. Если немцы стучали, он открывает, если партизаны шли, то он прятался. Это все потом мы узнали. А тогда не знали, что он следил за нашей семьей и поэтому нас и арестовали. Это было 19 января 1943 г., когда наша семья была арестована за связь с партизанами. Наш брат Степан должен был жениться на Григорьевой Жене и как раз выходил на связь с нами. Но они постучали в окно, а у мамы как раз печка была распалена. Вот она свои листовки в плите сожгла, а Григорьев не успел. В карманах нашли листовки. Арестовали нас и увезли Старые Дороги. Очень мучили и на третий день Григорьев был расстрелян. Да еще на моих глазах расстреляли Ядю Гладкову, у которой муж ушел в партизаны, а у нее четыре дочери. У нее такая красивая коса была. Не пожалели ее, расстреляли как жену партизана. Очень многих расстреляли. Издевались так, что брат кровью харкал и мы там совсем больные. Но у нас никакого вещественного доказательства не было. Мама сумела все уничтожить.

В камере нас было семеро женщин. Так вот через стенку ветеринарный врач Павел Иванович Кричевцев просверлил дырочку. Он тоже вместе с мамой в подполье работал. Вот он, даже арестованный, но передал записочку. Прошу вас сообщить Анне Митрофановне, что ее тоже арестуют, а у нее два сына, да муж на войне. Ну что делать, что делать? Так как меня 19 января 1943 г. взяли на дороге, как стояла, то когда зашел вахтер, мама пожалова-

лась, что дочке нечего одеть и ей холодно. Разрешите ей пойти домой. А это 40 км от Старых Дорог до Глуши. Тот отвечает, ну что ж, нужна одежда, конечно. Вот расписка - если не вернется, все вы будете расстреляны. Дают расписку и возможность пешком пойти в Глушу. Иду я в поселок, боюсь - вдруг слезка. Наши знакомые-то при больнице жили, а дом у них хороший был. Зашла на рынок. Походила там. И вижу - Митрофановна идет. Говорю: «Миленькая, рада встретить вас, я прислана от Кричевцова, чтобы вы ушли в партизаны, пока вас не схватили». Она и доктор очень благодарны мне, что семью спасла.

Не помню, к кому зашла, не знаю, у кого ночевала. Я в тот вечер зашла, а там какая-то вечеринка была. Поэтому я все видела. И настолько мне тяжело было. Вижу там наши половики, мои покрывальца. Знаете, как это было тяжело, что все растянули, даже рамы повытягивали. Соседи были в основном полицаи, все разнесли и все разобрали.

Против нас-то доказательств вообще нет. Допросы и казни и все такое, но нет оснований. Вот меня, как трудоспособную и молодую, решили угнать в Германию, а родителей в Осиповичи. До освобождения Беларуси они жили в лагере. Домой не пускали. Еще летом хватали. Как хапун был - и меня тоже. Но отвезли из Глуши в Бобруйск. Немцы боялись чесотки и туберкулеза, проверяли. Мама дала врачу золотое кольцо и он меня отпустил. Вот когда мы не уехали, но все равно, как видно, не миновать было Германии.

Вот угоняют меня в Германию. В Осиповичах садят в товарные вагоны, а впереди два или три пассажирских. Ехали немецкие солдаты в отпуск, а дальше наледь сидели с сумками в товарном вагоне. На остановке заходит немец или вагонный. И глядит, и глядит. Затем подходит ко мне и спрашивает фамилию. Я ему сказала. Он ушел, а мне женщины говорят, что он ищет себе жену, молодую, красивую. Вот он тебя присмотрел. Вот как рассказываю, так как было. Господи! Боже мой, а он такой крючковатый, звали Берnard. На остановке еще трое приходят. Он пригласил друзей и что-то говорит. Они: «Гут, гут». И вот везут, привозят меня в Белосток. А в Белостоке был очень большой пункт. Отсюда развозили по всей Германии. И вот из Белостока, значит, Берnard позвонил своему отцу, что он везет русскую девушку. Это потому что жена говорила, что у соседки русская прислуга и очень хорошо все делает и все выгодно. Значит, этот Вилли Людвиге - отец приезжает и со своим племянником Рюге на легковой за нами. Это недалеко, в 5 км от границы. Нашли меня и вот так и берут. Там прошла комиссию врачебную и после в баню. Потом смотрю, Берnard открывает дверь. О Боже мой! Я под скамейку. Но сколько же буду сидеть, ничего не сделаешь, надо идти. Иду, а меня: «Стоп, Анастасия!» - за воротник и отдают им. Приводят меня в город Лик. Вот там я уже у них была. А потом... Да, неплохо было. Он был фашист. Старый. Ей было 60, а ему 70. Они были бездетные, но у соседей от газа умерли родители и вот они выгодовали Бернара. Вот он его называл папочкой. Потом меня начали проверять. Значит, откуда? Документы-то пришли. И вот я это вижу, а я с 5 класса в школе изучала немецкий язык. Я знала и готический шрифт. Так

что во время войны, когда немцы в поселке приходили к нам домой, мне это было уже знакомо.

Так вот я даже познакомилась с какими-то латышами, которые собирались в партизаны. Я решила примкнуть к ним. Вот и убежала из города Лик в город Летце. Я когда убежала, определилась к купцу Брайеру. Но даже имя его не помню. А я там была может недельку. Вот, эти люди жили в бараках. Там мы договорились, что уходим ночью. Значит, я должна была от него прийти в барак, и ночью мы должны все уйти. Выйти из дома нужно было незаметно. Вот ночью беру бельевую веревку, привязываю к раме, наматываю на руку и спускаюсь. Думала, что это просто. Но шлепнулась вниз. Кровь и без сознания. Тут меня берут. Что, куда, зачем собралась? Тут лагерь и тюрьмы. Ой, как меня он бил. Нагайкой и сапогом. Упадешь, а он сапогом, сапогом. Даже хозяйка приезжала из Лика, потому что я рассказывала, все как было. И она про меня говорила очень хорошее, что самостоятельная и честная девушка. Я же ничего не воровала. Вот меня после этого отправляют в лагерь Энштейн. А там уже видно было, что я была связана с партизанами. Вот меня оставили в лагере.

Там был очень большой лагерь для военнопленных. Жили мы бараках. Их было много. И было такое, что сразу немцы евреев расстреливали, а потом Гитлер дал указ не расстреливать. Были они в отдельной форме - черная и желтая полоса, пижаме, в кепочке.

Что там делать? Работы для нас никакой не было. Двор очень большой. По шесть человек в шеренгу поставят и шагом марш. Затем в луже лечь, встать. Если стала не там, то получишь нагайкой. Голодные. За завтраком подойдешь, а там окошечко. Баланду какую-то если успел - взял, не успел - голодный. Нагайка. Было ужасно плохо в этом лагере. Вот после Сталинграда стало лучше, но немцы начали дальше отвозить. Из этого лагеря нас перевезли нас в Калининград. Там нас сильно бомбили американцы. Там было страшно. И нас перевезли в другое место, в город Гердаун (теперь Гвардейск), что в Восточной Пруссии. Сидим в подвале. Тишина, целый день разговоры. И тут вылезает (это был второй этаж), а там уже русские. Вот один из русских солдат определил, что красива, да за меня. Я вырвалась и бежать. Бежала из одной комнаты в другую, а потом из комнаты через окно на козырек, а там прыг - и в снег. Вот так и осталась. Как вспомню, ведь это надо было пережить.

Вот так нас освободили. В Дрейфурте оставили нас, и я стала работать переводчицей в комендатуре. Немцы тоже эвакуировалась, а в пересылочных пунктах надо было кому-то работать. Много работы было. После фильтрации переехала домой. Вот такая жизнь.

Как в лагере для военнопленных себя чувствовали женщины?

В бараках женщины жили отдельно. Была двух- или трехэтажная кровать. Каждый имел. Был, конечно, и умывальник, и туалет. Не помню, чтобы наружу выходили в туалет, но может и выходили. Бани не было. Как были одеты? Что было, то и носили. Как арестовали, так и было. Вот и все.

Никакого не было насилия или преследования. И в городе его не было.

Даже наоборот, если солдаты приставали, то их преследовали за это гестаповцы. Закон такой был, который запрещал это. Да, лагерь был большой и там была столовая. Нас в ней не кормили, а кормили за проволокой. А вот в столовую прилетали летчики после боя, и вот когда они приходили и нужна была официантка - звали меня. И наряжали, чтобы у них было хорошее настроение. Вот подойдешь и поднесешь к столу: «Шен мэдхен, шеен медхен, данке, данке». Ничего не скажу плохого в отношении этого. И даже когда была у хозяйки, а муж ее был фашисткой партии, они не издевались. Я на люстре раз не вытерла пыль, а он написал: «Заубе свинья». Он не сказал, но написал. Не сказал ничего. Я прочитала бумажку «зауб швайн», чтобы пыль убрали.

Тогда вот еще. После приезда в Германию, как-то все стабилизировалось и я даже писала письма домой. Получала ответ. На рождество прислали мои посылку. А в этой посылке была бутылка самогонки. Я ее подарила бауэру. Как он был рад. И все хвалил. Так она ему понравилась.

У вас есть фотографии из Германии?

Ничего там такого нет. Между прочим, когда Бернар приехал в отпуск, он поехал в Берлин, к жене и маме. У них мальчик брата. У них не было детей у Бернара. Так она прислала посылку с одеждой. Для них это было просто.

Я красиво одевалась. И все это на фотографиях. Они лежат в беспорядке. Стыдно. Я, между прочим, на дачу езжу. Там хорошая женщина живет. Спрашиваю: «Миленькая, куда мне девать? Ну, куда мне их девать? Детям не нужно, нужно сжечь». Так она: «Не сжигайте, они нужны еще для истории».

А вот письма Анны Митрофановны невестка за ненадобностью и выкинула. Это были интересные письма.

(Рассматриваем фотографии). Вот сирота, которую мы вырастили. Вот брат, который погиб. Вот брат Сережа в партизанах, а здесь уже на фронте. Вот старший брат Саша на фронте.

Да, вот когда пришли к нам немцы, брат через местных познакомился с немцем. Пауль такой. Я не знаю, кто он был - офицер или нет. Он приходил к нам, хромал на ногу. Может офицер. Я ему понравилась. Мне-то 17 или сколько-то годов. Вот он приходил и приходил и потом и он говорит: «Мама, я вашу дочь возьму в жены и отвезу теперь к своим родителям, а потом, когда война закончится, я на ней женюсь». Это правда, чтоб я так жива была. Он хромал на ногу. А я под кровать спряталась, чтоб меня не увозили. Вот, значит, я ему приглянулась.

В жизни может все происходить. Например, когда голландцы-колонисты во время оккупации Минска работали здесь, но по завершению войны уехали > вместе с молоденькой девушкой, что жила рядом с ними напротив бывшего еврейского кладбища.

Вот и я расскажу свою историю. Когда привезли, то хозяйка, царство ей небесное, чудесная была женщина. Она и говорит: «Я вас познакомлю

с соседкой русской Леночкой». Познакомила, и мы стали дружны. Там были военнопленные французы и стала она дружить с французом, и после войны она уехала с ним во Францию. Вот если я уехала в Россию, то она во Францию.

А вот муж. Он в госпитале был. Прошел финскую и стал инвалидом войны...

Да скоро юбилей. Но вот что, мой миленький и дорогой, мы с вами по гороскопу Девы и перед нами еще много хорошего. Это земные люди. Когда я иду, то, как солнышко, и девы должны принимать людей такими, какими они есть.

*Записал и транскрибировал Кузьма Козак.
Минск, 2011*